

Тем вечером госпожа Чой терпеливо ждала Муёля.

— Бабушка, мне нужно с тобой кое о чём поговорить, — сказал он по телефону.

И она сразу поняла, какой разговор им предстоит.

— Ладно, побеседуем об этом за ужином?

— Нет. У меня нет на это времени.

— Хорошо, тогда я дождусь тебя.

Повесив трубку, госпожа Чой с трудом пыталась встать с дивана. Она знала, что этот день когда-нибудь настанет. День, в который её слабые ноги не будут давать свободно двигаться. Но она сжала кулаки, сделала несколько глубоких вдохов, и наконец сумела подняться.

Теперь она смотрела на стол, заставленный закусками. Муэль может и сказал, что у него нет времени, но ничего не препятствовало её инстинкту хорошо его накормить. Она подготовила несколько известных десертов, хотя знала, что внук ни к одному из них не притронется.

— Интересно, он вообще нормально питается? — пробормотала госпожа Чой.

После определённых событий в жизни Муэль перестал питаться правильно. Он никогда не ел со сверстниками, всегда в полном одиночестве и только необходимое для жизни количество калорий, если, конечно, не находился на каком-то важном мероприятии.

— Мне приготовить конфеты? — задумалась госпожа Чой, пока разбиралась с тарелками, она выглядела немного обеспокоенной.

— Мне купить немного? Где я должна их купить? — спросила домработница, когда услышала слова нанимательницы.

Госпожа Чой погрузилась в свои мысли. Она вспомнила, как Муэль принёс домой полную сумку конфет, когда был в седьмом классе. Ему не нравилось сладкое, потому этот поступок удивил её.

— Тебе нравятся конфеты? — спросила она его тогда.

Внук небрежно ответил:

— Я собрал их прежде, чем эта раздражающая девчонка начнёт громко орать и плакать из-за

них. Но конфеты отвратительно сладкие. Хочешь их?

Конфеты и правда были невероятно сладкими, но Муэль сильно ценил их. Казалось, он терпеть их не мог, но так и не выкинул в мусорку, а доел. Госпожа Чой позже купила ему такие же конфеты, но он даже не притронулся к ним.

Каждый Белый день он непременно приносил полную сумку конфет. И каждый раз он говорил одну и ту же отговорку: он собрал их прежде, чем раздражающая девчонка начнёт громко орать и плакать из-за них.

— Нет... Я просто размышляю, — пробормотала госпожа Чой.

— Тогда...

Она не договорила, но госпожа Чой в точности знала, что та собиралась сказать – домработница не хотела видеть Муэля.

— Наш молодой мастер странно пугающий, — однажды сказала она.

Госпожа Чой отчасти была с ней согласна. Муэль начал жить с ними, когда ему было тринадцать, потому она хорошо знала внука. Мальчик был тихим и спокойным, но бессердечным и злым. Его глаза, когда он смотрел на людей... были холодными, бездонными, страшными до такой степени, что госпожу пробирал озноб всякий раз, когда она смотрела в них.

— Я должна была раньше забрать его от отца, — с сожалением проговорила женщина.

Муэль был сыном господина Чха. А тот был монстром. Он никогда не старался понять сына или встать на его сторону. Господин Чха отличался от других членов семьи, был жестоким тираном. Муэля он воспринимал исключительно как собственность, а не человека.

Даже сейчас, когда госпожа Чой об этом думала, её сердце заныло, словно на нём отпечатался ожог. Она чувствовала себя ужасно беспомощной, даже более беспомощной, чем в те времена, когда Джэхун, второй сын господина Чха, рождённый вне брака, начал жить в доме семьи Чха. Джэхун не произвел на неё хорошего впечатления.

— Я так рад, что я могу жить в таком доме. Это всё благодаря отцу, — говорил он. И эти слова отзывались мурашками по телу пожилой женщины.

Джэхун притворялся, будто господин Чха – лучший отец на свете. Этот чёртов ребёнок... Он необычный, она сразу же это заметила. Позже она услышала, что Муэль якобы притеснял сводного брата, но никогда не велась на это. Она знала, что Муэль не был человеком, который атакует, если у него нет на то причин. Его никогда не интересовало, что делают другие.

Когда внук сильно заболел, госпожа Чой забрала его к себе, после чего Муэль решил не возвращаться в дом отца.

Госпожа Чой кивнула и сказала:

— Ладно, можешь быть свободна. Спасибо за работу.

— Хорошо, госпожа. Я приду завтра, — ответила домработница.

Госпожа Чой сглотнула горечь, вставшую комом в горле, когда провожала взглядом домработницу, и вспомнила реакцию той на Муэля. Сейчас ему было тридцать два, он стремительно преумножал свои власть и богатство. Он был хладнокровным и никогда не упускал выгоды. И никого не прощал.

Однажды кто-то осмелился ему сказать:

— Говорят, пустой колос голову кверху носит, так почему, директор Чха, вы всё никак её не опустите?

Ответ Муэля был жёстким:

— Я не сделал ничего, чтобы «ронять голову». И есть ли у меня причины вообще опускать её? Разве это не станет для людей поводом «подрезать» меня?

Мысли госпожи Чой сменили направление. Она начала размышлять, стоит ли приготовить ещё закуску или просто оставить как есть. Муэль почти ничего не ел, а она не могла перестать волноваться о его здоровье. Ей казалось, что внука что-то беспокоит, отчего у того нет аппетита.

Госпожа Чой покачала головой и направилась в свой кабинет. Она вошла в комнату и открыла сейф в углу, чтобы достать документы. Муэль хотел акции «S Group».

<http://tl.rulate.ru/book/65700/3594297>